

СЕРГИЯ БЛАГОСЛОВЕННЕ НИИ. СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Сергей Хоршев-Ольховский

ЧЕТЫРЕ БЕЗДНЫ

Книга вторая

«Благословение» им. Сергия Радонежского

Сергей Хоршев-Ольховский

Четыре бездны. Книга 2

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)4

Хоршев-Ольховский С.

Четыре бездны. Книга 2 / С. Хоршев-Ольховский — «ИП Березина Г.Н.», 2020 — («Благословение» им. Сергия Радонежского)

ISBN 978-5-00153-215-6

Материал для фольклорно-исторического киноромана «Четыре бездны – казачья сага» автор начал собирать ещё в советские времена – в начале восьмидесятых годов XX века, когда живы были некоторые герои повествования, которых автор лично знал и искренне любил. Роман состоит из пяти частей. В данной книге представлены часть 4. Война, в которой описываются события, происходящие во время Великой Отечественной войны и часть 5. Встреча, которая служит итогом жизненного пути главных героев, сумевших дожить до середины 60-х годов невероятно сложного и противоречивого XX века. В целом в романе охвачен 50-летний период (с 1916 г. по 1966 г.). Многие материалы, первоначально собранные для романа «Четыре бездны – казачья сага», публиковались в разных изданиях отдельными рассказами, в том числе «Маманя» и «Девятый угол» – в надежде, что они впоследствии станут главами романа. Но так случилось, что они пришлись по душе редакторам и читателям как самостоятельные произведения и остались таковыми навсегда.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)4

ISBN 978-5-00153-215-6

© Хоршев-Ольховский С., 2020

© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

К читателю	8
Четыре бездны – Казачья сага	10
Часть 4	10
Глава 37	10
Глава 38	13
Глава 39	17
Глава 40	19
Глава 41	26
Глава 42	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Хоршев-Ольховский Четыре бездны – Казачья сага

© С.Хоршев-Ольховский, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

СЕРГЕЙ ХОРШЕВ-ОЛЬХОВСКИЙ – писатель, редактор, председатель правления Международного Союза литераторов и журналистов АРΙΑ. Входит в редколлегия международных альманахов «Рукопись», «Литературная Канада», «Всеамериканский литературный форум», интернет-журналов «Интер-Фокус» и «Партнер-Норд». Соавтор и ведущий литературных рубрик «АРΙΑ НА ДОНУ». Автор многих произведений прозы: роман, повести, рассказы, очерки, юмористический цикл «Хуторские байки», детские рассказы. Публиковался, начиная с 1994 года, в различных газетах, журналах, альманахах и сборниках в России, Англии, Германии, США, Канаде, Австралии, Латвии, Литве, Белоруссии, Болгарии, на Украине и Кипре. На основании этих публикаций в свет вышли пять книг: «Четыре бездны» (2009 – 1-е изд., 2018 – 2-е изд., кн. 1), «Клетчатый пиджак» (2010), «Любовь и грех» (2014), «Запах родины» (2015), «Избранное» (2019). Готовится к изданию шестая книга (для детей) «Край неба». Один из соавторов книги «Русский акцент» (2005), главный редактор и один из соавторов книги «Английский акцент» (2013). Фольклорно-исторический роман «Четыре бездны – казачья сага» рекомендован директором Центра славянских языков и культур ВГУ Еленой Малеевой к изучению в литературных институтах России.

За роман «Четыре бездны – казачья сага» и сборник донских рассказов награждён атаманом Всевеликого Войска Донского и атаманом Верхне-Донского округа медалью за возрож-

дение казачества, именной казачьей шапкой, почётной грамотой (2009–2010). За эти же произведения награждён главным редактором газеты «Наши край» почётным серебряным кубком (2009).

Лауреат диплома и большой золотой медали им. Франца Кафки в номинации «Проза» (2011), присваиваемой Европейской унией искусств, литературных медалей им. О. А. Афанасьева (2015), им. М. А. Шолохова (2016), им. Кирилла и Мефодия (2018) и многих других наград.

Казачий полковник. Чрезвычайный и полномочный представитель Союза казаков России и зарубежья в Великобритании и странах Европейского Союза.

К читателю

* * *

Уважаемый читатель! Перед тобой крупное произведение Сергея Хоршева-Ольховского – фольклорно-исторический роман «Четыре бездны – казачья сага». Мне как земляку этого талантливого автора, как собрату по перу, также вспоенному святой донской водой, радостно, что родное слово благодатно крепнет и живёт.

Автор знает о чём пишет, ему есть чем поделиться с тобой, читатель!

Надеюсь, что прикосновение к истории Верхнего Дона, к судьбам рядовых степных труженников и воинов, к самобытной культуре и речи породит в тебе интерес, душевное тепло и сопричастность к малой родине Сергея Хоршева-Ольховского, к народу, её населяющему. И тогда охлестнёт тебя со страниц книги вольным полынным ветром – и горьким, и всё-таки сладким!

Казачий полковник Юрий Карташов, поэт, историк донского казачества, член Союза писателей России, член Международного Союза литераторов и журналистов.

Станица Вёшенская.

* * *

Незадолго перед расстрелом в Соловках Павел Флоренский пишет последние строки, завещая своим детям: «Помните главное – сохраняйте родовую память...»

Роман Сергея Хоршева-Ольховского как бы пронизан этой идеей. Огромная любовь к Донской земле, подлинное знание жизни и быта казачьих хуторов и станиц, сочный, чернозёмный народный говор – безусловные достоинства романа. Но главное, что является основным стержнем всего повествования – это неукротимая, неуёмная казацкая жизненность его героев. Сталинский геноцид практически уничтожил казацкое сословие, и роман является поминальным крестом на кургане казацкой славы.

Читается роман на одном дыхании, написан живым образным языком и, я бы сказал, очень кинематографичен. Невольно приходит сравнение с шукшинским «Я пришел дать вам волю». Все герои романа, разбросанные по всей необъятной стране, оставляют неизгладимый след в читательском восприятии. Естественно вплетаются в канву повествования яркие, сочные любовные сцены, которые характеризуют самого автора как необыкновенного жизнелюба, казака-гуляку, рвущегося «через все страдания к радости». Прочитав этот роман, ещё больше веришь в жизнь и в неистребимость казацкого корня и духа казачества. Роман этот – как знамя, поднятое «ЗА ВЕРУ, ЦАРЯ И ОТЕЧЕСТВО НА ВСЕ ВРЕМЕНА!»

Артист Московской филармонии Борис Бурляев

(поэт Борис Свободин), лауреат всероссийских и международных конкурсов артистов-чтецов.

Москва – Лондон.

* * *

Творчество Сергея Хоршева-Ольховского привлекает смачностью народного языка, живостью, лёгкостью, лиричностью и в то же время драматичностью и исторически верным, невыдуманным описанием донской культуры и трагической истории, выпавшей на долю казачества в смутном двадцатом веке. Всё это, приправленное неповторимым, хорошо знакомым автору станично-хуторским юмором, словно цепями, приковывает читателя к увлекательным страницам романа. Это очень важное слово, честно представляющее миру вольную культуру донского народа, идущую от заселения донских степей до двадцать первого века, культуру, несомненно, русскую и в то же время истинно казачью, которую в двадцатом веке пытались уничтожить вместе с её народом – и многое успели уничтожить. И всё-таки этот смелый, самобытный, независимый народ выстоял, как выживает на земле всё настоящее, и сохранил своё бодолюбие своих предков и память о героическом прошлом.

Настоятельно рекомендую думающим людям прочитать «Четыре бездны – казачья сага». Этот роман – большая и несомненная удача автора.

Президент Международного Союза литераторов и журналистов, поэт-песенник, академик Давид Кудьков. Лондон.

* * *

Роман Сергея Хоршева-Ольховского «Четыре бездны – казачья сага» затрагивает глубинные струны многострадальной русской души, рассказывает о жизни казаков лёгким, понятным и удивительно свежим языком. С первых строк герои романа становятся для читателя близкими, которым сопереживаешь и искренне сочувствуешь до последней страницы. Кроме того, множество мелких фольклорно-бытовых подробностей делают роман Сергея ещё и прекрасным пособием для изучения жизненного уклада донских казаков.

Писатель, редактор Полина Уханова. Москва.

Четыре бездны – Казачья сага

Часть 4 Война

Глава 37 Галина и Валерий (Отступление в прошлое)

В тёплый июньский вечер 1928 года у Западной Двины, уже тысячу лет несущей свои красновато-бурые воды через древний славянский город Витебск, основанный великой киевской княгиней Ольгой, беззаботно прогуливались три юные подружки.

– Девочки, представляете, Валерий сказал, что застрелится на пороге нашего дома, если меня родители не отдадут за него замуж!.. – восторженно щебетала веселушка Галя.

– У него есть пистолет? – с недоверием посмотрела на неё рассудительная Вера.

– Конечно! Он же офицер!

– Молодец ты, Галка. Запросто отхватила завидного парня, – по-доброму позавидовала подруге Вера.

– Твой Олежка тоже славненький! – не осталась в долгу счастливая Галинка.

– Уже не мой.

– Это ещё почему?

– Да я нечаянно опрокинула ему на штаны стакан с горячим чаем. А потом, с испуга, стала сушить их утюгом прямо на нём... Обиделся.

– Ещё бы! Ты же ему, наверно, всё наследство сожгла.

– И пусть. Мама всё равно не хотела за него отдавать.

– Меня тоже не хотят отдавать за Валеру, – дрогнул голос Гали. – Он из простой рабочей семьи, хоть и офицер. Да ещё вдобавок неверующий.

– Ну и что. Теперь это не помеха.

– Для меня нет, а для родителей помеха. Они нэпманы¹. Хотят, чтобы я непременно вышла за состоятельного и верующего.

– Без любви, конечно, плохо, – посочувствовала Вера подруге, – но хоть материально будешь жить хорошо. Не то что мы с мамой. С хлеба на воду перебиваемся.

– А я готова жить на воде! – неожиданно воскликнула застенчивая Нина, дотоле терпеливо слушавшая сплетни подруг. – Только бы нас с Володей не разлучали!

– Чудачка! – осуждающе качнула головой Вера. – В двоюродного брата умудрилась влюбиться.

– Так мы же росли вместе!

– Ну и что? И я с вами росла. И брат он мне такой же двоюродный. Разве только по материнской линии.

– Сердцу не прикажешь, – всхлипнула Нина.

– Любовь-то у вас есть, да счастья, видно, не будет, – остывая, переменяла тон Вера.

– Это точно. Дедушка хочет сосватать ему кулачку из села Морозова. А у нас документы отобрал, чтобы сами не поженились.

¹ Смотреть пояснительный словарь в конце книги.

– Э-э-эй!.. Девочки-и-и!.. – окликнул девушек и побежал им навстречу от развалин старинного храма, в котором по преданию венчался сам Александр Невский, молодой белокурый офицер.

– Это мой Валерка! – подпрыгнула от радости Галя.

– Так, девочки, сейчас все вместе пойдём к Галиным родителям, просить её руки, – переводя дух, сказал Валерий и стал по-командирски чеканить. – А потом шампанское! Шоколад! Кино!

– Как здорово-о-о! – не удержалась от возгласа Нина, обычно находившаяся в тени подруг.

– Ещё как здорово! – засмеялся Валерий. – Свою подругу сделаете счастливой!

– Ты думаешь, они сегодня изменят своё решение? – засомневалась Галя, в удивлении тараща на Валерия большущие влюблённые глаза.

– Должны. Иначе их Бог покарает.

– Валерочка, миленький, давай лучше в другой раз, – стала просить Галя, напуганная решимостью жениха.

– Никак нельзя! Меня переводят служить в Смоленск!

– Я, пожалуй, пойду домой, – с грустью произнесла Вера. – Постоянный клиент должен принести вещи на стирку.

– Верочка, погоди! – испугался Валерий. – Нам трудно будет без твоих советов!

– Не могу я, – засмушалась Вера. – Правда не могу. Мы ведь с мамой только за счёт этого живём.

– Ты-то хоть останешься? – умоляюще посмотрел Валерий на Нину.

И Нина тотчас растерялась, она привыкла полагаться на решения более находчивой двоюродной сестры.

– Иди-иди, – добродушно улыбнулась Вера, поцелуями распрощалась с подругами и заспешила домой.

– Постой! – скомандовал Валерий. – Тебя проводит мой друг Саша!

– И где же этот друг? – обернулась Вера. – В казарме?

– Никак нет! К Двине пошёл, поздороваться со знакомыми девушками.

– Ну и пусть здороваётся! – пробурчала Вера с некоторой, непонятно откуда взявшейся ревностью. – Я сама дорогу знаю.

– Нет-нет! Я позову его! – стоял на своём Валерий. – Скоро стемнеет!

* * *

Торговец подержанной одеждой – здоровенный бородатый мужичище, смахивающий на бандита с большой дороги – принёс как никогда много различного тряпья.

– Ты уж, хозяйшкa, постарайся всё привести в порядок к воскресенью, – вежливо попросил он Кристину Эрнестовну. – А я заплачу как надо. Не поспеплюсь.

Сортируя по корытам и вываркам одежду, Вера обнаружила на одном из сюртуков прорехи, напоминающие ножевые порезы.

– Ничего страшного, – устало проронила Кристина Эрнестовна, – подошьём где следует. – Но здесь бурые пятна! – И что?.. Почистим. Такая наша работа. – Да это, кажется, кровь! – не унималась Вера.

– Какая кровь? Не выдумывай! – рассердилась мать. – Иди лучше поешь. Клиенты сегодня продуктами рассчитались.

«Расскажу Валерию и Саше. Они офицеры, знают, что делать в подобном случае...» – не без тревоги думала Вера, очищая сваренную в мундире картофелину, и тут её тревожную думу неожиданно прервали подозрительные всхлипы в сенях.

– Мама! – испугалась Вера. – За дверью кто-то плачет!
– Да слышу! Слышу! – кинулась Кристина Эрнестовна к двери и распахнула её.
В сенях в истерике тряслась растрёпанная, забрызганная кровью Нина.
– Тётя Кристина!.. Вера!.. Там!.. Валерий!.. – прокричала она, захлёбываясь слезами.
– Господи Боже мой! Что случилось?! – подхватила Кристина Эрнестовна под руки теряющую сознание племянницу.
– Валерий Галю застрелил! И себя тоже!.. – из последних сил выкрикнула Нина.
Кристина Эрнестовна известила через знакомых родителей Нины, что их дочь осталась у неё на ночлег и принялась отпаивать бредившую племянницу отварами лечебных трав.
К полуночи Нина успокоилась и крепко задремала.
– Всё, – с горечью вздохнула Кристина Эрнестовна, когда племянница стала вздрагивать во сне, – не ходить ей более своими ноженьками по земле-матушке.
– Мама, не говори так! Нельзя! – запротестовала Вера.
– Я знаю, доченька, что говорю, – обняла её мать за плечи и, усадив рядом с собой на лавку, стала полушёпотом рассказывать:
– Нина совсем малюткой была, когда у неё первый раз ноги отнялись. Бабушка выставила её за баловство в тёмный чулан и сказала, что в следующий раз отдаст цыгану, который посадит её в мешок и унесёт. А тут, как на грех, в чулан на самом деле вошёл бородатый мужчина с мешком на плече. Нина так перепугалась, что три года потом заикалась и совсем не ходила. Врач строго-настрого предупредил, чтобы мы все впредь любыми путями оберегали её от подобных страстей. А тут видишь, какая оказия.
– Это я во всём виновата! – заплакала Вера. – Пошла бы с ними, глядишь, не случилось бы этой беды.
– Нет, доченька. Это судьба, – убеждённо сказала Кристина Эрнестовна. – Её никак не изменишь.

* * *

Нелепая и страшная трагедия, приключившаяся с подругами, до такой степени потрясла Веру, что она тоже слегла в постель на нервной почве. В эти дни её часто навещал по вечерам Саша и всеми силами старался отвлечь от невесёлых мыслей. Вера поначалу относилась к Саше настороженно, но со временем привыкла и рассказала ему о своих подозрениях, когда бородатый клиент снова принёс на стирку сомнительные вещи.

Вскоре милиция арестовала банду, промышлявшую на окрестных дорогах разбоем и грабежами. В тот же день, под вечер, к Кристине Эрнестовне пришёл младший брат перекупщика старья. Такой же здоровенный, бородатый и хмурый, и грозил расправой за дачу каких-либо показаний против арестованных.

Кристина Эрнестовна жутко перепугалась. Она вечером выждала во дворе Сашу, напрямую причастному к этому делу, и с мольбой кинулась к нему в ноги.

Саша, без памяти влюбившийся в Веру с первого взгляда, давно ждал подходящего для объяснения случая. И этот случай сам свалился к нему в руки. Он тоже упал на колени и умоляюще вскричал: – Кристина Эрнестовна, отдайте Веру за меня замуж! – Что же ты, милоч, ко мне с этим вопросом цепляешься?.. – опешила Кристина Эрнестовна. – Ты её спроси.

– А вдруг откажет?
– Всяко может быть. Строптивая она у меня.
– Я ведь хочу как лучше. Чтобы вы были подальше от этих негодяев.
– Пустое. С чего это мы вдруг станем дальше?
– Меня на днях переведут вместо Валерия в Смоленск.

– Ладно, я поговорю с ней, – подумав, пообещала Кристина Эрнестовна. – А ты, от греха, убирайся. Завтра узнаешь свою судьбу.

Глава 38 Кристина Эрнестовна

– Вера, вставай. Да вставай же ты!.. – трясла дочь за руку Кристина Эрнестовна. – Полдень скоро.

– Мама, ну что ты говоришь? Какой полдень? Дай хоть в воскресенье выспаться, – полусонно лепетала Вера и всё норовила укрыть голову одеялом.

– А как же дети? Ты обещала покружить их на каруселях!

– Обещала.

– Тогда вставай. Они завтракать не садятся без тебя.

Последний весомый аргумент Кристины Эрнестовны окончательно разбудил Веру. Она свесила с кровати ноги и протянула к детям руки.

– Мама! Мамочка! А на слониках покатаемся? – первой кинулась к ней белокурая веселушка Галя и обняла за шею.

– Обязательно.

– А на лошадках? – пробасил чернявый степенный толстячок Валерий и залез к маме на колени.

– А как же. И на лошадках.

– Хватит к маме приставать! Дайте ей одеться! – прикрикнула на внучат Кристина Эрнестовна и подхватила их под мышки.

– Бабуля, а папа с нами пойдёт? – загалдели дети, болтая ногами.

– Он на службе. Сколько вам повторять, – мягко, но внушительно объясняла внучатам Кристина Эрнестовна, усаживая их за стол.

– А после службы? Он же рано вернётся?

– Когда вернётся, тогда и вернётся. Не нашего это ума дело. Ешьте и не задавайте лишних вопросов, – опять повысила голос Кристина Эрнестовна и стала накладывать в тарелки манную кашу.

Вера наскоро привела себя в порядок и стала ухаживать за детьми. А Кристина Эрнестовна, пользуясь случаем, выскочила на улицу посудачить с соседками. Но вернулась она тотчас и прямо с порога закричала срывающимся голосом:

– Вера! Война!..

– Мама, – рассердилась Вера, – ты опять сплетен нахваталась.

– Война, доченька! Правда, война! – ошеломлённо твердила Кристина Эрнестовна, делая неуверенные шаги.

– Ты-то откуда знаешь? – подхватила её под руки Вера и усадила на стул.

– Так дом же офицерский. По тревоге всех подняли.

– А почему нам не сообщили? – с подозрением посмотрела Вера на мать и дала ей полную кружку холодной воды.

– Кому? Саше? Так он и так на дежурстве. Первым, наверно, всё узнал.

– Это точно! – согласилась Вера и стала торопливо переодеваться.

– Куда это ты собралась? – насторожилась Кристина Эрнестовна, жадно выпив всю воду.

– На работу.

– Верочка, оставайся лучше дома. Немцы, говорят, Минск уже бомбили. А оттуда до Смоленска рукой подать на самолётах.

– Нет! – категорически возразила Вера. – Мне никак нельзя сидеть сложа руки! Я член партии, заведующая сберкассой и в конце концов – жена офицера!

– Ладно, беги. За детьми я присмотрю, – угрюмо буркнула Кристина Эрнестовна, понимая, что дочь в данной ситуации не переубедить.

Первым делом Вера проверила сберкассу. День был выходной, на работу никто не приходил, и сторож Родион Кузьмич даже не знал, что началась война. Вера велела ему быть повнимательнее и направилась в горком партии.

«Уж там-то точно объяснят, что да как!..» – думала она, задыхаясь от быстрого бега.

В горкоме была страшная суматоха. Невозможно было с ходу прорваться ни в один кабинет, все они были забиты невесть откуда взявшимися людьми. Вера оторопела, не зная куда идти и к кому обратиться. Она стояла в растерянности в фойе и искала взглядом кого-либо из знакомых. На её удачу со второго этажа как раз быстро сбежал, звонко стуча по ступенькам каблуками хромовых сапог, начальник Смоленского областного управления гострудсберкасс и госкредита Фрадков. Фрадков подтвердил, что на рассвете фашистская Германия напала на Советский Союз без объявления войны, и на ходу – он спешил в своё управление – приказал ни под каким предлогом не открывать сберкассу без его команды.

– А мне что делать? – крикнула Вера, едва поспевая за Фрадковым.

– Иди домой и жди моих личных указаний.

– Домой? – совсем растерялась Вера. – Дак как же это? Война ведь?..

– Домой, домой. Да поскорее! – прикрикнул на неё Фрадков и поспешно заскочил в свой служебный автомобиль.

«Как же так?.. На прошлой неделе секретарь обкома партии утверждал на открытом партийном собрании, что наша армия сильна и ни за что на свете не допустит никакого врага на свою территорию! А тут... фашистские самолёты уже кружат над нашими городами и не ровён час появятся над Смоленском! Может, это неправда?.. Может, это случайный приграничный конфликт или вовсе – проверка бдительности?..» – роились у Веры в голове многочисленные трудноразрешимые вопросы. Она даже не заметила в горьких думах, как прибежала домой. Опомилась только тогда, когда навстречу выскочили дети и наперебой загалдели:

– Мама!.. Мамочка!.. Мы и позавтракали, и пообедали, а тебя всё нет и нет! Когда пойдём на карусели?

Вера взяла детей за руки и молча, под вопросительные взгляды Кристины Эрнестовны, прошла в комнату. Включила местную радиоточку и обессилено опустила на стул.

Дети, видя суровое, озабоченное лицо мамы, сразу притихли и крепко прижались к ней.

– Неужели правда настоящая война? – побледнела Кристина Эрнестовна.

– Налей во фляжку воды, – попросила Вера вместо ответа.

– Зачем?! – в недоумении воскликнула мать.

– Пойдём в бомбоубежище, если объявят тревогу.

– Значит, правда, – упал голос матери.

– Правда, – тяжело вздохнула Вера и закрыла глаза – в её сознании всё ещё роились прежние удручающие мысли, ход которых оборвал неожиданно вырвавшийся из динамика радио хриловатый, растерянный голос диктора, объявивший воздушную тревогу.

– Скорее все на улицу! Скорее! – скомандовала Вера и выбежала во двор с Валериком на руках, а следом за ней без промедления выскочили Галинка с фляжкой, заполненной водой, и Кристина Эрнестовна с солдатским одеялом под мышкой. Они непроизвольно затесались в общую массу народа, кричавшую на разные голоса, и благополучно добрались до дома офицеров. Но едва только спустились в бомбоубежище, как над городом заревели моторы самолётов, перекрываемые лающим гулом зениток и стрекочущим воем спаренных вчетверо станковых пулемётов.

Оглушительные взрывы бомб, гулко сотрясавшие землю, хорошо были слышны в бомбоубежище. Они доносились сначала издалека, а потом стали раздаваться всё ближе и ближе,

и наконец одна из бомб угодила в дом офицеров. Взрывом разнесло часть здания и обломками засыпало выход из бомбоубежища.

Люди, впервые ощутившие на себе ужасы бомбардировки, страшно перепугались. Они стали в панике кричать, зовя на помощь. И помощь пришла. Снаружи раздался басистый мужской голос, ежеминутно повторявший в рупор одни и те же слова – отрывисто, чётко, спокойно: – Граждане, не волнуйтесь. Спасательные работы ведутся. Вас скоро освободят.

И действительно – солдаты и курсанты военного училища довольно быстро очистили, сменяя друг друга, засыпанный битым кирпичом и бетоном выход из бомбоубежища и вывели всех наверх.

На улице пахло гарью. Люди кричали и метались из стороны в сторону. Возле дома офицеров лежала неразорвавшаяся бомба, рядом с которой уже были сапёры. Они нашли внутри бомбы записку на русском языке:

«Дорогие братья! Чем можем, тем поможем...» – писали немецкие антифашисты.

В тот же день командование военного гарнизона приняло решение срочно эвакуировать из города всех детей и стариков. Но транспорта не хватало – он позарез нужен был в военно-оборонительных целях, и люди, не дожидаясь посторонней помощи, стали спасаться самостоятельно.

Вера с Кристиной Эрнестовной наспех собрали немного продуктов, одели детей чуть теплее, чем положено летом, и пешком направились за город – в район Липовой рощи, таков был приказ командования гарнизона. Младшенького Валерика несли на плечах по очереди, а Галинка всю дорогу упорно шла сама.

Все главные улицы города, кроме западного направления, были запружены такими же, как и они, беженцами. Некоторые люди катили впереди себя или тащили за собой коляски и тачки, доверху заполненные разнообразными предметами и вещами, некоторые несли мешки и тюки прямо на себе, но большинство шло налегке, волоча за собой детей, а совсем маленьких несли на руках и плечах.

Вера устроила маму с детьми в бездетной крестьянской семье, жившей неподалёку от Липовой рощи, переночевала у них и засобиравшись ранним утром 23 июня обратно в Смоленск. Кристина Эрнестовна упростила хозяев присмотреть за детьми и тоже увязалась следом.

– Нечего тебе делать в городе! Нечего! – запротестовала Вера. – Там бомбят!

– Не переживай. Я только одежду тёплую возьму и сразу вернусь, – пообещала мать.

– Ну зачем тебе летом тёплая одежда? – продолжала негодовать Вера.

– Как это зачем? – в удивлении всплеснула руками Кристина Эрнестовна. – Ты же слышала, что сказал офицер. В деревне можно находиться только ночью, а днём надо сидеть в роще. Чем я детей укурою, если дождь пойдёт?

– Действительно... днём деревню могут бомбить, – согласилась Вера и притихла.

До самого Смоленска мать с дочерью шли молча, занятые своими думами. Но когда вышли на окраину своей улицы, Кристина Эрнестовна вдруг остановилась.

– Что-то нехорошо у меня на душе, – тяжело вздохнула она. – Наверно, наш дом разбомбили.

Хорошо зная, что предчувствия матери часто сбываются, Вера не на шутку испугалась и ускорила шаг. Со щемящим сердцем подошла она к груде кирпичей, ещё вчера бывших её домом, и тихо заплакала.

– Изверги! Разбомбили-таки! – с ненавистью проворчала за её спиной запыхавшаяся Кристина Эрнестовна и, глядя на дымящиеся руины, тоже заплакала.

Мимо них то и дело быстро пробегали напуганные бомбёжкой люди и на ходу бросали в утешение короткие общепринятые фразы.

– Прямым попаданием разбило, – сказал вдруг кто-то хрипловато и, в отличие от других, остановился позади.

– Что? – не расслышав, переспросила Вера и обернулась.
– Прямым попаданием, говорю, разбило, – повторил сторож сберкасы Родион Кузьмич, тоже живший в этом доме.

– Ничего, мы победим и построим на этом месте новый дом! Ещё красивее и уютнее старого!

– Мы-то победим. Это точно. И дом новый отстроим. А вот Анисимовну кто мне вернёт?

– Вы о чём говорите? – не поняла Вера.

– Старуха моя там лежит, – кивнул Родион Кузьмич на развалины, и из его выцветших старческих глаз покатались по сухим морщинистым щекам две крупные капли. – Строптивая она у меня была. Ни за что не хотела эвакуироваться: «С тобой, – говорит, – сберкасу охранять буду! А нужда заставит, воевать стану!»

– Вот видишь! – упрекнула Кристина Эрнестовна Веру. – Тётя Фёкла осталась. А ты меня гонишь.

– Смелая она у меня была... – всхлипнул Родион Кузьмич. – В империалистическую, мы тогда в Белоруссии жили, немец хотел ссильничать её младшую сестру. Так она его лопатой пришибла. И теперь в партизаны собиралась.

– И я партизанить стану, раз надо! – заявила Кристина Эрнестовна.

– Мама, ну какой из тебя партизан? – возмутилась Вера. – Пойдём в сберкасу. Я дам тебе из подсобки солдатское одеяло, и уходи скорее в деревню.

– Это точно. Уходи, Христинушка. Уходи поскорее, – поддержал Веру Родион Кузьмич. – А то, не ровён час, опять бомбить станут.

– Правильно, – сказала Вера. – И вы идите вместе с мамой.

– А сберкасу кто оборонять будет? – тотчас вознегодовал сторож. – Ванька Ветров?!

– Военные возьмут под охрану.

– Нет! – заупрямился старик. – Я останусь! И хоть одного фашиста, да уокошу!

– Ладно, пойдём в сберкасу, по пути всё решим! – начальственно сказала Вера.

Старики спорить более не стали, послушно пошли следом. И в это время навстречу проехала полуторка^{*}, в кузове которой сидели солдаты, вооружённые кирками и лопатами.

– Трупы поехали откапывать, – заключил Родион Кузьмич и, сутулясь, повернул обратно. Он всего за сутки превратился из крепкого непоседливого вояки, любившего малость прихвастнуть своими успехами в былых баталиях, в тихого, убитого горем старичка.

– погоди, ты куда? – крикнула ему вдогонку Кристина Эрнестовна.

– Анисимовну пойду искать, – глухо ответил он, не оборачиваясь.

– И я пойду! – решительно заявила Кристина Эрнестовна.

– погоди, – попыталась остановить её Вера, – это опасно! В любой момент может начаться бомбёжка!

– Нет, я пойду! – заупрямилась мать.

– А как же тёплые вещи? Одеяло?..

– Там что-нибудь разыщу, – махнула Кристина Эрнестовна рукой в сторону развалин и поспешила следом за Родионом Кузьмичом.

– Это разумно. Да и сберкасу всё равно нельзя открывать, – сказала себе Вера, вспомнив приказ Фрадкова, и пошла на работу.

На дверях сберкасы она обнаружила прикреплённый кнопками пожелтевший листок из школьной тетради, на котором в очевидной спешке было крупно написано карандашом:

**КОММУНИСТАМ СРОЧНО ПРИБЫТЬ В ГОРОДСКОЙ КОМИТЕТ
ПАРТИИ!**

* * *

В горькоме всех прибывших коммунистов распределили на небольшие оперативные отряды для охраны в ночное время важных государственных и промышленных объектов от фугасных бомб и диверсантов и разослали по местам назначения, а других направили на крыши городских многоэтажных зданий.

Глава 39 Плач казачек

*Где мой дом, что с семьёй – я не знаю:
Там, по Дону, зверует война...
Сталинград грудью я закрываю,
Защищаю советскую жизнь.
Мой отец!..
Что же с нами случилось?..*

Николай Буханцов (из поэмы «Курень на юру»)

Весть о коварном нападении фашистской Германии на Советский Союз вихрем ворвалась жарким июньским днём в казачьи семьи, едва успевшие зализать раны после недавних, небывало жестоких войн, когда тысячи сынов с берегов Дона полегли на европейских полях сражений и в дурмане междоусобной революционной сечи. Казакам не раз доводилось биться с немцами, они не понаслышке знали, какой это воинственный народ, и не особо верили крикливому лозунгу партработников: «Будем громить врага на его территории!» Особенно сомневались, что это произойдёт с первых же часов войны, и стали мысленно настраивать себя на длительные жестокие сражения, искренне веря в свою окончательную победу. А казачки, у которых за столетия походов выработались гены неприятия войны и предчувствие её масштабов, тут же запричитали на разные голоса, заранее оплакивая неминуемые огромные жертвы...

Предчувствие казачек подтвердилось уже на второй день войны, когда по приказу районного военкома из хутора Ольховый ушли на фронт шестьдесят самых крепких молодых мужчин. А двадцать седьмого июня на защиту Родины убыла во главе с председателем колхоза Громаченко ещё более внушительная группа призывников. Хутор* в эти дни от женских рыданий звенел от края до края.

– Товарищи, вместо меня временно председателем колхоза остаётся Некрасов Константин Степанович. Прошу любить и жаловать! – объявил Громаченко народу, собравшемуся провожать призывников. – Давай, держи речь, – шепнул он рядом стоявшему Константину Степановичу и вытолкнул его в середину круга.

– Сынки мои, бейте захватчиков в хвост и в гриву! Гоните их скорее с нашей земли! Воюйте люто, живота не щадите! А коли не заладится, зовите на помощь стариков. Мы не подкачаем! – зачастил Константин Степанович.

– погоди, что ты несёшь? – попытался остановить его Громаченко.

– Я хоть сейчас готов показать, как надо лупить этих горластых фрицев. Да вот беда, бабским колхозом кому-то надо руководить! – не слышал председателя оратор.

– Да погоди ты! – не на шутку заволновался Громаченко. – Разве я так тебя учил?

– А как? – в удивлении посмотрел на него Константин Степанович.

– Про партию. Про Сталина.

– Потом, – отмахнулся от старого председателя новоиспечённый и продолжил гнуть свою линию. – Вот я и буду тут руководить бабами. И сохраню их для вас в целости и сохранности.

А вы уж поскорей возвращайтесь с победой, чтобы нам, старикам, и взаправду не пришлось шкандылять вслед за вами.

– Не переживай, дедуня, не подкачаем! – выкрикнул из шеренги Андрей Федулов*. – И за себя, и за тебя повоюем!

– Вы мне в хутор с десяток фрицев пригоните, – попросил призывников Константин Степанович.

– Пригоним! Обязательно пригоним! – пообещал Андрей.

– Ну и добре. Я их кулаком промеж глаз поубиваю. Силёнок-то у меня ещё ого-го!..

– Председатель, давай команду грузиться. А то этот недобитый белогвардеец наметет такой чепухи, что не расхлебаем потом! – шепнул на ухо Громаченко Лукьян Цыпкин, временно оставшийся за председателя сельсовета.

– Слушай мою команду! – закричал Громаченко и достал из кармана лист бумаги. – Всех, кого назову, выйти из строя на три шага!

По команде Громаченко из строя вышли: Азаров Иван, Васильченко Егор, Качкин Пётр, Коновалов Василий, Мрыхин Дмитрий, Мушихин Василий, Мушихин Иван, Назаров Зиновий, Некрасов Ефрем, Некрасов Степан, Стефанов Николай, Удовкин Дмитрий.

– Эти лица остаются в колхозе трактористами и прицепщиками. Фронту при любых обстоятельствах нужен хлеб, – объяснил суть дела Громаченко и дал зычную команду остальным призывникам. – Грузись по подводам!

Призывники быстро погрузились и поехали из хутора, поднимая за собой клубы пыли.

– Вы мне в хутор с десяток пригоните! Я их кулаком!.. Промеж глаз!.. – бежал за подводами и кричал вслед Константин Степанович, а его с обеих сторон обгоняли растрёпанные простоволосые казачки, плачем прощавшиеся со своими сыновьями, мужьями и братьями.

Дети тоже бежали следом и крикливо резвились – они по малолетству ещё не сознавали трагизма случившегося.

– Эй, братушка*! – толкнул Николай Некрасов локтем в бок Василия Федулова*. – Погляди, Василёк за нами скачет! Из сил уже выбился!

– Где он, Николка? Где?.. – заволновался Василий и, с трудом разглядев среди оравы босоногих ребятишек сына, прыгнул с подводы.

– Папа! Папочка!.. Ты насовсем уезжаешь? – залепетал Василёк сквозь слёзы, крепко уцепившись худощавыми ручонками за шею отца, подхватившего его на руки.

– Нет, сынок, мы фашистам быстро зад набьём. К осени я вернусь, урожай собирать будем. А до этого времени оставайся в семье за главного. Тебе всё-таки седьмой год пошёл. Береги мамку и братика с сестричкой... – скороговоркой говорил Василий, а по его пыльным щекам катились прозрачные, извилистые ручейки. Он ласково сжимал в объятиях сына и скорым шагом шёл следом за колонной пыливших по дороге подвод.

– Мамка! – воскликнул Василёк. – Мамка к нам бежит!

Василий резко обернулся и увидел в клубах пыли, поперёд всех женщин, Марию. Он поспешно поставил сына на ноги, поцеловал его в последний раз и без оглядки кинулся догонять колонну подвод – перенести прощание с женой ещё раз было уже не в его силах.

В последующие дни из хутора на фронт уходили остатки – не более пяти-шести человек в день. А когда выбрали всех, призвали последнего годного к службе мужчину – австрийца Александра.

Александр жил в хуторе со времён империалистической* войны, когда в казачьи семьи раздали в работники пленных австрийских солдат, чтобы заменить рабочие руки убывших на фронт казаков, десятками тысяч сложивших безвременно в чужих землях, от Румынии и Галиции – на юге, до Восточной Пруссии – на севере, бог знает за что свои буйные свободолюбивые головушки. Такой шаг, по мнению тогдашних правителей, теряющих контроль над народом и

армией, должен был поднять морально-волевой дух казачества и заодно позволял сэкономить средства на бесплатной кормёжке военнопленных.

Александр попал в семью стариков Качкиных. Работал он ловко, споро, был необычайно послушен, и старики быстро привыкли к нему и даже полюбили. Сначала они разрешили ему харчеваться за общим столом, а потом раздобыли ещё больше и перевели жить из сарая под общий кров, выделив во второй половине дома боковушку*. А когда Александр покорил своими предупредительными европейскими манерами их горячо любимую, рождённую на старости лет дочь Анастасию, они смирились и с этим.

Всполохи гражданской войны счастливо обошли стороной навсегда прикипевшего к Донской земле Александра. После смерти стариков, случившейся незадолго до начала коллективизации, ушлый австриец по закону оформил брак с Анастасией и, благоразумно поддерживая насаждаемую новыми властями политику, благополучно зажил хозяином в доме Качкиных.

Забыл Александра не офицер из военкомата, как обычно, а специально прибывший особист на запряжённой парой старых лошадей линейке*.

Вместе с Александром уезжал на войну Степан Некрасов. Он категорически отказался от брони – в то время, как его близкие друзья проливают кровь на фронтах. Дуня и Надя с пониманием отнеслись к его смелому решению. Они пытались стойко перенести момент разлуки, но в последнюю минуту всё же обе разревелись и упали ему на грудь.

– Прощайте, любимые мои. Прощайте... – в растерянности бормотал Степан, крепко прижимая к себе жену и дочь.

– Не говори так! Не говори! – возмутилась Дуня сквозь слёзы. – Не к добру это!

– Я тоже пойду на фронт! – перестала всхлипывать Надя. – Санитаркой!

– Не надо, Наденька! Не надо! Я оставил тебе трактор! – несколько не обрадовался её решению отец. – Тут твой фронт! Хлебный!

– Некрасов, хватит мокрому разводиться! – в нетерпении выкрикнул из линейки особист. – Время не терпит!

– Ждите меня, дорогие мои! Ждите! – на ходу запрыгнул в уже тронувшуюся линейку Степан. – Я обязательно вернусь!

– Стёпа, погоди! – закричала вслед Дуня. – Мешок позабыл!

Надя тотчас подхватила с земли вещевой мешок и бегом бросилась за набиравшей скорость линейкой.

– Я найду тебя на фронте! Во что бы то ни стало найду! – пообещала она отцу и на ходу забросила в линейку его вещевой мешок.

Глава 40

Вера

В начале июля немцы вплотную подошли к Смоленску. И уже четырнадцатого числа на подступах к городу начались жесточайшие бои, не прекращавшиеся ни днём, ни ночью. Обеспокоенное таким поворотом событий обкомовское руководство приняло решение немедленно вывезти из города государственные ценности. Работников банка и городских сберкасс тотчас отозвали из ополченческих отрядов противовоздушной обороны и приказали в кратчайшие сроки произвести опись всех ценностей и погрузить их на специально подготовленные грузовики. Общее руководство группой эвакуации осуществлял метавшийся из одного конца города в другой начальник Смоленского областного управления гострудсберкасс и госкредита Фрадков. А на местах ответственными были сами руководители финансовых учреждений.

Вера одной из первых в городе произвела скрупулёзный учёт вверенных ей важных государственных документов, печатей, денег, облигаций и других ценных бумаг и стала грузить

их с помощью своих сотрудников и солдат охраны на грузовик. Во время погрузки к зданию сберкассы подъехал Фрадков на своём служебном автомобиле. Заметив его, Вера по-военному вытянулась в струнку и чётко доложила о проделанной работе, едва он только приоткрыл дверцу.

– Молодец, ты как всегда в передовиках, – похвалил Веру Фрадков, вылезая из автомобиля и сразу огорошил. – Будем немедленно вывозить все ценности вглубь страны.

– Как немедленно?! – испугалась Вера. – Мне срочно надо в Липовую рощу!

– Да, Верочка. Немедленно. Немцы обладают огромным превосходством в оружии. Беспрепятственно наседают. Танками давят. Днепр уже красный от крови солдат!

– Но мне надо за город! Там дети и мама!

– Об этом не может быть и речи! Окраины уже по нескольку раз переходили из рук в руки! Мосты скоро взорвут над Днепром!

– Товарищ Фрадков, так дети же за городом! – обезумевше твердила Вера. – Я пойду туда, если меня даже расстреляют!

– Ладно, беги, – сдался Фрадков, понимая, что встревоженная мать может что угодно сотворить ради своих детей. – Но через два дня ты обязана догнать нашу колонну в Вязьме. Там будет временная остановка.

– Догоню, товарищ Фрадков! Догоню! Даже не сомневайтесь! – пообещала Вера и на радостях поцеловала Фрадкова в щеку.

– Да погоди ты!.. – невольно улыбнулся Фрадков. – Помни, ни на один час нельзя опоздать. Ни на один. Иначе это будет расценено, по законам военного времени, как дезертирство.

– Не опоздаю, товарищ Фрадков! Не опоздаю! – ещё раз поцеловала Вера Фрадкова и передала все сопроводительные документы в руки своего заместителя.

Погрузка вскоре была завершена, и грузовик тронулся в путь в сопровождении служебного автомобиля Фрадкова. Вера помахала им вслед рукой и с тревогой оглянулась на пустующую сберкассу – на пороге неподвижно сидел пригорюнившийся Родион Кузьмич, оставшийся в одночасье не удел.

– Срочно уходите из города! Срочно! – приказала Вера сторожу.

– Нет, Верочка, я останусь на своём посту до конца, и хоть одного фашиста, да укокошу, – спокойно возразил Родион Кузьмич. – А ты беги за детьми. Беги.

– Но я не могу оставить вас одного! – забеспокоилась Вера. – Что я потом скажу Фрадкову?

– Иди-иди! Время не терпит! – повысил голос Родион Кузьмич. – А за меня не переживай, я старый вояка. Я лупил этих горластых ещё в империалистическую. Так что и теперь не промахнусь.

Вера спорить больше не стала, время действительно не терпело. Она бегом бросилась в деревню за детьми. А навстречу ей уже организованно шли к Днепру, в район Соловьёвой переправы, ополченцы. Перед ними стояла непростая задача – срочно возвести надёжные фортификационные сооружения на окраинах и завалы на улицах.

На одном из таких завалов на выходе из города Веру остановили военные.

– Куда прёшь, дурёха? – заорал на неё пожилой лейтенант-ополченец. – Жить что ли надоело?

– В Липовую рощу! К детям! – крикнула Вера в ответ и попыталась стороной обежать ополченца, но тот оказался не по годам проворным и поймал её за руку. – Я детей только возьму и сразу вернусь! – умоляюще смотрела на него Вера и изо всех сил старалась вырвать из его жилисто-шершавой рабочей ручищи свою миниатюрную женскую ручку.

– Да ты что? Спятила? Тут же немцы кругом!

– Ну и что, я всё равно пойду и заберу детей! – упорствовала Вера, потерявшая от безвыходности контроль над собой.

– Гражданочка, послушай меня внимательно!.. – рассерженно потряс её за плечи лейтенант обеими руками. – Либо ты сейчас самостоятельно, не оглядываясь, пойдёшь обратно, либо я тебя арестую! Поняла?

Вера утвердительно кивнула и заплакала. В конце улицы она оглянулась и увидела, что ополченцы заняты уговорами очередной задержанной матери. Она тотчас нырнула в соседний переулок, обогнула дворами баррикаду и выскочила из города.

– Товарищ лейтенант, гляньте в бинокль! – закричал с баррикады один из бойцов. – Не та ли это женщина, что вы отпустили, по полю чешет?

– Та, сержант. Та. И зачем я её отпустил... – огорчённо вздохнул лейтенант, не отрывая глаз от бинокля. – Срежут её фашисты миномётным огнём! Срежут!

– Ты гляди, как лавирует! Давай ещё немножко! Давай! Тяни к оврагу! Тяни!.. – приложив к глазам ладонь, отчаянно соперевживал бегунье усатый сержант, неосторожно высунувшийся из-за укрытия.

– Всё! – опустил бинокль лейтенант и пнул с досады валявшийся рядом камень. – Не дотянула!

Под вечер, после нескольких настырных безуспешных атак захватчиков и нескольких отчаянных контратак защитников города, наступило затишье. С обеих противоборствующих сторон тут же повыскакивали в поле санитары и стали собирать раненых.

– Эй, Михалыч, погляди-ка левее! – прорезал подозрительную фронтовую тишину высокий юношеский фальцет.

– Что там? – откашлявшись, ответил хриловатый бас.

– Женщина мёртвая в синем платье. У оврага.

* * *

Преобладавший огромным превосходством в технике и артиллерии противник непрерывно нападал при мощнейшей поддержке с воздуха на истекавшие кровью, но время от времени решительно бросавшиеся в контратаки дивизии 16-й и 20-й армий, защищавших Смоленск с юга и юго-запада, тесня их к Днепру. В конце концов советские армии обескровели в неравной схватке и отступили в северную часть города, предварительно взорвав над Днепром все мосты.

15 июля южная часть Смоленска была полностью захвачена фашистами.

Родион Кузьмич остался на своём посту до конца и на рассвете смело вышел навстречу врагу, сжимая в руке два патрона с картечью. Один из них он не спеша вложил в ствол старенького ружья и прицельно выстрелил. И пока немцы не опомнились, выстрелил второй раз и тут же превратился под перекрёстным огнём мотоциклистов, разъехавшихся в разные стороны, в решето. Он расчётливо, без тени сомнения, обменял своё старческое, катившееся к закату бытие – обменял дорого, на две молодые фанатичные жизни, готовые ради идеи уничтожить на своём пути всё на свете.

Фашисты неоднократно врывались в северную часть Смоленска, закидывая левый берег Днепра несметным количеством снарядов и бомб, а защитники города самоотверженно раз за разом сталкивали их в реку и сами предпринимали отчаянные нахрапистые попытки захватить плацдарм на южном берегу, обильно обагрив своей и чужой кровью священные для восточных славян воды Днепра. Но без поддержки с воздуха и массированного артобстрела сделать это не удалось.

16 июля, раздавив танками передовые рубежи советских войск, фашисты ворвались в северную часть Смоленска и в течение суток захватили город практически полностью.

В конце месяца бои уже переместились к востоку от Смоленска. Только 30 июля постоянно отступавшие советские войска закрепились наконец на одной линии: Великие Луки – Ярцево – Кричев, мужественно отбивая следующие одна за другой атаки противника.

* * *

– Как она? – холодно спросила высокая сухопарая женщина с уставшим желтоватым лицом, бесшумно вошедшая в палату, и кивнула на только что доставленную из Смоленска раненую.

– Бредит, товарищ хирург. И в бреду почему-то вспоминает, как рожала, – смущённо ответила молоденькая медсестричка, дежурившая у кровати раненой.

– Приготовь инструменты, – коротко приказала хирург, занятая своими думами, – сделаем перевязку.

– Это же надо, как ноги зацепило. Да ещё в таком месте... – обескураженно лепетала медсестра, ещё стеснявшаяся чужого нагого тела.

– Да, чуть в сторону и покалечило бы женское счастье, – сдержанно сказала хирург, всего насмотревшаяся на своём врачебном веку, срывая быстрыми, профессиональными движениями с живота и ног раненой пропитанные кровью бинты.

– Ай!.. – вскрикнула раненая и открыла глаза, но тут же закрыла и опять впала в беспамятство.

«Кто у тебя, мамочка, дома? Доченька?» – досуже допытывался принимавший роды колобкообразный весёлый врач. «Да, доченька... Галя... Три годика ей...»

«Тогда радуйся! Сына родила! Предлагаю назвать в честь бесстрашного Чкалова! Он опять рекорд дальности полёта установил!»

«Нет-нет! Я хочу назвать Валерием!»

«Так Чкалов и есть Валерий!»

«Простите, доктор, забыла от волнения...» – обессиленно прошептала роженица и с радостью, уже засыпая, успела подумать: «Я сдержала слово! Пустила на белый свет Галю и Валерия!..»

Два безумно томительных месяца пролежала Вера в вяземском военном госпитале. Раны её, полученные от взрыва немецкой мины, были тяжкими и потребовали нескольких операций. Всё это время она пыталась, как только пришла в себя, узнать что-либо о судьбе детей, мамы и мужа. Она приставала с бесчисленными вопросами к докторам и нянечкам, лихорадочно пролистывала все газеты, какие только попадали в госпиталь, внимательно слушала сводки Совинформбюро и подобострастно опрашивала раненых, каким-либо образом связанных со Смоленском, но ничего хорошего не узнала, и на душе у неё нисколько не стало легче. Наоборот, наслушавшись рассказов о зверствах фашистов по отношению к мирному населению, она совсем помрачнела и, несмотря на незалеченные до конца раны, стала подумывать о побеге. Она ещё не знала, каким образом незаметно покинет госпиталь и какими путями будет пробираться к Смоленску, но знала, что непременно сделает это. Она каждую ночь в горячке придумывала скоропалительный план побега, а утром, поостыв, понимала, что её очередная выдумка вряд ли осуществима, и начинала заново ломать голову. Перебрав десятки непригодных вариантов, она стала помаленьку терять веру в свои силы и вот-вот готова была окончательно отказаться от поспешных намерений. Но, как часто бывает в жизни, вмешался случай. На утреннем обходе она мельком услышала, как один из эвакуированных из Смоленска врач спросил у другого:

– Товарищ капитан, а правда, что Смоленский обком партии сейчас в Вязьме?

– Правда, товарищ лейтенант. А что?

– Пойду попрошусь на фронт.

Что капитан ответил лейтенанту, Вера не слышала – она выскочила в коридор, выследила медсестру Катеньку из приёмной палаты, с которой была в приятельских отношениях, и стала требовать свою гражданскую одежду.

– Да вы что! Меня накажут за это! Уходите отсюда! Уходите скорее!.. – испуганно замаячила руками Катенька.

– Замолчи и слушай меня внимательно! – прикрикнула на неё Вера. – Мне срочно надо передать секретную информацию в Смоленский обком партии. Он временно находится здесь, в Вязьме. Я только что узнала об этом, и если ты помешаешь мне, тебя накажут ещё строже!

– Я не знаю... – растерялась Катенька. – Надо бы доложить старшей медсестре.

– Нельзя! Ни в коем случае нельзя! Речь идёт о государственной тайне!

– Ну, если это так важно, и ненадолго...

– Ненадолго! Неси скорее одежду!

– Нет, только не сюда! – испугалась Катенька ещё больше. – Пойдёмте в подсобку!

Через четверть часа Катенька принесла квадратный пакет, свёрнутый из толстой серой бумаги, на котором было крупно написано печатными буквами: ЛЫЗЛОВА.

Вера решительно разорвала пакет и оторопела – её любимое голубое платье с ромашками, подаренное мужем к последнему дню рождения, было изодрано и забрызгано кровью. Босоножка была одна и тоже в неприглядном состоянии. Вера всхлипнула, но тут же взяла себя в руки и сунула пакет обратно Катеньке:

– Эти вещи мне больше не нужны! Разущи что-нибудь другое!

– Но что я могу?

– Не знаю. Неси что хочешь.

– Может, халат какой-нибудь?..

– Можно и халат, только не белый.

* * *

Переодевшись в подсобке в рабочую одежду уборщицы, Вера незаметно выскользнула на улицу и помчалась во весь дух, но куда, сама толком не знала. На ближайшем перекрёстке рядом с ней остановился легковой автомобиль.

– Далеко ли спешишь, красавица? – угодливо спросил разбитной шофёр, чуть ли не по пояс высунувшийся из окна.

– В Смоленск! – ответила Вера, не останавливаясь и, поймав жутко удивлённый взгляд шофёра, тотчас поправила себя: – В Смоленский обком партии!

– Это другое дело! – фыркнул шофёр и нырнул обратно в кабину.

Вере повезло. Шофёр знал, в каком здании временно дислоцируется Смоленский областной комитет партии, и без задержки доставил её туда. А в обкоме ей повезло ещё раз: Смоленское управление гострудсберкасс и госкредита было в том же здании, и она без труда разыскала кабинет Фрадкова.

Фрадков был бесконечно удивлён, увидев Веру в дверях кабинета. Он ошалело выскочил из-за стола, повалив на пол стакан с карандашами, и стал радостно трясти её руку: – Сто лет проживешь, Верочка! Сто лет! – Слишком много, – через силу улыбнулась Вера. – Столько не живут.

– Значит, девяносто девять! Мы же похоронили тебя заочно. Сообщение, видишь ли, получили.

– Какое сообщение?

– Что фашистской миной тебя накрыло.

– Это правда. Но врачи, к счастью, умудрились подлатать.

– Наши врачи молодцы! Хорошо лечат!

– Хорошо, – согласилась Вера и с обидой добавила: – Только слишком долго. Я уже давно хожу самостоятельно, а они всё не отпускают и не отпускают!

– А как ты тут оказалась? – нахмурил брови Фрадков. – Сбежала? Это безобразие! Немедленно отправляйся обратно! Больные люди мне не нужны!

– Товарищ Фрадков, – умоляюще посмотрела на него Вера. – Вы же знаете, мне позарез надо в Смоленск.

– В данной ситуации туда не пробраться. Город оккупирован.

– А я проберусь! Буду идти ночами, через леса и болота, но проберусь!

– Товарищ Лызлова, вы коммунист! – одёрнул её Фрадков. – Обязаны служить Родине там, где нужнее!

– А как же дети?.. – заплакала Вера.

– Верочка, дорогая, пойми наконец, ты, как преданный член партии и опытный финансовый работник, принесёшь здесь огромную пользу. А там?.. Погибнешь понапрасну, только и всего! Ни тебе радости, ни Родине. Разве это по-коммунистически? – небезосновательно доказывал Фрадков, упирая на честь и долг.

– А как же дети?.. – повторила Вера, и Фрадков почувствовал по её голосу, что она с ним если и не согласна, то готова подчиниться.

– Детей твоих, Верочка, мы обязательно найдём. Общими усилиями найдём. А сейчас, пожалуйста, возвращайся в госпиталь и жди моей команды, – не приказывал, а убедительно просил Фрадков, и Вера согласилась с его доводами.

* * *

В госпиталь Вера вернулась через запасной выход, быстренько переделалась в подсобке в больничный халат и попыталась незаметно проскользнуть в свою палату, но в коридоре столкнулась с Катенькой.

– Как хорошо, что вы вернулись! Идите скорее к себе! Идите! К нам новых раненых привезли! В палаты ложить будут! А всех ходячих поселят в коридоре, а потом для них переоборудуют подсобки!.. – запальчиво и бессвязно затараторила она.

А по коридору уже сновали санитары с носилками и раздражённо покрикивали на всех, кто оказывался на их пути.

Вера на окрики санитаров никак не отреагировала. Она тревожно, в предчувствии чего-то очень важного для неё, вжалась спиной в стену и стала пристально вглядываться в лица окровавленных бойцов.

– Толя! Толечка! Ты меня слышишь? Саша живой? – в отчаянии вскричала она, узнав в одном из раненых сослуживца мужа и, несмотря на протесты санитаров, упала перед носилками на колени.

Капитан был в забытии, но, услышав знакомый голос, слегка приоткрыл глаза и, собравшись с силами, прохрипел:

– Врать не буду, погиб Сашка. Своими глазами видел, как его автомобиль связи прямым попаданием разнесло. А следом и меня накрыло... – Нет! Ты ошибся! – рухнула Вера на пол и потеряла сознание.

Страшное известие выбило её из колеи окончательно. Она стала замкнутой, целыми часами сидела у единственного окошка подсобки, переоборудованной под больничную палату, и обречённо глядела вдаль. Но как только её вызвали через посыльного хмурым осенним утром в Вяземский горком партии, она тотчас пришла в себя.

* * *

– Наш начальник сберкасс оказался подлецом. Похитил некоторую сумму денег и где-то затаился. Теперь вы как преданный член партии должны организовать учёт и вывоз государственных ценностей в тыл, – без предисловий изложил суть дела первый секретарь Вяземского горкома партии, принявший Веру вне очереди.

– Товарищ первый секретарь, я не могу! – засопровотивлялась Вера.

– Отставить разговоры! – прикрикнул на неё первый секретарь. – Вы обязаны! Вас рекомендовал лично товарищ Фрадков!

– Но мои дети остались под Смоленском! – продолжала сопротивляться Вера.

– Я знаю! Их розыском занимаются партизаны! Так что будьте спокойны и выполняйте поставленную задачу! – отрезал первый секретарь, и уточнил: – Это приказ! Ясно? – Так точно! – по-военному отрапортовала Вера.

– Сейчас же получите в секретариате доверенность на право сопровождения ценных бумаг, подготовленную на ваше имя, и срочно езжайте с моим шофёром в центральную сберкассу. Туда свезут всё ценное имущество со всего города. И всё это имущество, и все сотрудники сберкассы поступают в ваше подчинение. Ясно? – Так точно! – ещё раз по-военному отрапортовала Вера.

– Там наш уполномоченный, – улыбнулся, смягчаясь, первый секретарь Вяземского горкома партии. – Он и введёт вас в дальнейший курс дела.

Вере не оставалось ничего другого, как поблагодарить первого секретаря за оказанное доверие и не мешкая отправиться на задание.

Горкомовский уполномоченный к приезду Веры начал сортировку ценного имущества. Но он не был специалистом в финансовых вопросах. Учёт шёл туговато. Уполномоченный с радостью передал в распоряжение Веры четверых сотрудников сберкассы, троих вооружённых солдат-охранников и три грузовика, водителями которых были тоже вооружённые солдаты, и убыл на выполнение другого срочного задания. Враг был рядом, медлить было нельзя ни минуты.

Вера наскоро познакомилась со своими подчинёнными и стала чётко руководить делом, уже имея опыт по эвакуации сберкассы из Смоленска. К семи часам вечера все мало-мальски ценные бумаги были рассортированы, учтены и погружены на грузовики, о чём Вера незамедлительно доложила по телефону первому секретарю Вяземского горкома партии.

Первый секретарь приказал груз доставить в горком, но когда Вера уже села в кабину головного автомобиля, из пустующего здания сберкассы выскочил сторож и вернул её обратно к телефону. Первый секретарь изменил первоначальный приказ – он велел немедленно выехать в Москву, следуя в обязательном порядке через города Гжатск* и Можайск.

* * *

К зданию Гжатского горкома партии колонна из Вязьмы прибилась, когда прохладная ночная тьма уже полностью поглотила город. Вера взяла с собой водителей, оставив на грузовиках вооружённых охранников и сотрудников сберкассы, и пошла в горком.

В горкоме она поставила у дежурного отметки в сопроводительные документы и попросила найти место для ночлега шоферам, не спавшим уже вторые сутки.

– Нет, нет и нет! Вы обязаны следовать дальше! Таков приказ свыше! – нервно закричал дежурный и выдворил всех на улицу.

В Можайске ситуация повторилась. Дежурный в очевидной спешке поставил в документы соответствующие отметки и посоветовал шоферам до упора нажимать на газ, чтобы на рассвете не оказаться лёгкой мишенью для немецких самолётов.

Напуганные дежурным шофера газовали на полную мощь моторов. Колонна ещё затемно оказалась на подступах к столице, где её остановил вооружённый милицейский патруль на мотоциклах.

Начальник патруля, высоченный офицер, звания которого нельзя было рассмотреть в темноте, проверил сопроводительные документы, подсвечивая тусклым, едва светящимся фонариком, и отправил колонну, в сопровождении милиционера-мотоциклиста, в Гознак.

* * *

После сдачи ценностей в Гознак водителей грузовиков и охранников отослали обратно в Вязьму, а Вере и другим сотрудникам сберкассы выдали в отделе кадров командировочные удостоверения и направили в тыл – в распоряжение Саратовского обкома партии.

Глава 41

Вера в тылу

В Саратове Вера работала рядовым оператором сбербанка. Время тянулось медленно. Дни казались томительно-длинными, а ночи и вовсе нескончаемо-мучительными. О чём только не передумала Вера в эти ненастные тёмные ночи, и все её думы, с чего бы они ни начинались, в конечном итоге заканчивались оплакиванием мужа и беспокойством за детей и маму. Со смертью мужа – она каждую ночь пыталась представить, как это произошло, и это ей каждую ночь добавляло лишнюю седину – она постепенно стала смиряться: с фронта ежедневно приходили десятки похоронок, и люди, сами того не желая, свыклись с этим жутким явлением. Но неясная судьба детей и мамы по-прежнему угнетала её – с каждым днём всё больше и больше. Неведение и невозможность разорвать это неведение в клочки доводило Веру до полного отчаяния. И когда два месяца спустя, в декабре, её направили ещё дальше в тыл – в небольшой районный городок Новоузенск на замену тамошнему начальнику сберкассы, рвущемуся на фронт – она не особо огорчилась. Всё-таки это была какая-то перемена, сулившая хоть как-то и хоть на какое-то время убить невыносимое однообразие.

Ехала Вера в товарном вагоне, битком набитом беженцами. Люди, ко многому привыкшие за первые месяцы войны, вели себя так, как будто они были вовсе не беженцы, а ехали по своей нужде – они не спеша ели и пили, пусть и весьма скромно, беззаботно судачили о прошлой жизни и всё норовили заглянуть в будущее, из-за чего порой ссорились и тут же мирились. Потом опять скромно ели и пили, опять ссорились и мирились...

Вера, озабоченная своими нелёгкими думами, ни с кем в контакт не вступала. Она прильнула к стенке вагона и сидела молча, лишь изредка впадая в дремоту.

* * *

Ночной Новоузенск встретил приезжих колючими порывами ветра, прилетевшими с бескрайних степей Казахстана, и лёгкой снежной порошей. Но беженцев холод не напугал. Они с удовольствием повыпрыгивали из товарных вагонов на запорошенную платформу и, разминая затёкшие тела, подняли радостный гвалт. Вера поспешно просочилась через их пока ещё нестройные ряды и направилась в здание вокзала. Там она показала дежурному милиционеру командировочное удостоверение и попросила проводить её в райком партии. Милиционер тот-

час позвал с улицы с виду ветхого старичка, одетого в старенький, но чистенький и аккуратно залатанный ватник, и велел ему доставить приезжую по назначению.

Старичок оказался не по годам быстрым на ногу и весьма словоохотливым.

– Я – Пантелеич! – громко выкрикнул он, слегка забежав поперёд Веры. – А ты? – А я Вера Лызлова. – Из Саратова? – Сейчас из Саратова. А вообще из Смоленска. – Ух ты! Войну, небось, успела повидать? – Повидала немножко, – подтвердила Вера.

– Вот это да! – восхитился старичок и стал задавать наивные вопросы. – А правда, что немецкие самолёты воют, как волки? – Про самолёты не знаю. А вот бомбы жутко воют^{*}. – А что танки рычат как тигры?

– Не знаю.

– А что у солдат каски с рогами?

– Не знаю, – усмехнулась Вера. – Не видела.

– Как это не видела? – искренне удивился старичок.

– Да что вы, как ребёнок, глупости всякие несёте! – возмутилась Вера. – Не видела и всё тут! Фашистской миной накрыло меня на окраине города. А потом госпиталь, эвакуация.

– А-а... миной накрыло, – смутился старичок, приотстал и злобно выругался. – Гадские фашисты, чтоб им глаза повылазили!

* * *

В длинном коридоре Новоузенского райкома партии Вера застала, несмотря на совсем раннее утро, первого секретаря. Он возился у буржуйки с большущим медным чайником, не зная, как получше примостить его.

– Вы, как я понимаю, товарищ Лызлова? – тотчас кинулся навстречу гостье первый секретарь.

– Да, Лызлова, – растерялась Вера. – А разве вы меня знаете? – А как же! Героев надо знать!

– Да какой я герой?.. – растерялась Вера ещё больше. – Вы меня с кем-то перепутали.

– Герой! Ещё какой герой! Человека, вставшего с больничной койки и спасшего государственные ценности под носом у врага, иначе не назовёшь. – Вы и это знаете? – не переставала удивляться Вера.

– Знаем. Смоленские товарищи звонили, просили позаботиться. Так что с этого и начнем. Но прежде, чем чайник закипит, брякну Шуругину. Вот уж обрадуется. Везунчик этот Шуругин! Мне-то замены, как ни проси, не находят. А ему – пожалуйста! – весело и непринуждённо сыпал словами первый секретарь Новоузенского райкома партии, но в его голосе всё-таки слышалась лёгкая зависть к везунчику Шуругину.

Шуругин на звонок среагировал молниеносно. Он появился в райкоме, когда чайник только-только начал дышать паром на раскалённой оранжево-красной буржуйке.

– Вот, Терентий Иванович, знакомьтесь. Товарищ Лызлова Вера Павловна! Вам на замену приехала! – торжественно объявил первый секретарь, здороваясь с Шуругиным за руку.

– Наконец-то! Спасибо, товарищ первый секретарь!

– Мне-то за что? Это в Саратове побеспокоились.

– Всё равно спасибо! Без вашего ходатайства ничего не вышло бы!

– Ладно, чего уж там. Пойдём в кабинет. Завтракать будем.

– Нет-нет! – наотрез отказался Шуругин. – Нам пора! Я покажу товарищу Лызловой её квартиру, и сразу приступим к приёму-сдаче документов.

– А как же чай?

– Да, что же я, товарищ первый секретарь, не найду, что ли, чем угостить столь долгожданного человека!

– Ладно, идите, – обиженно махнул рукой первый секретарь. – Тебя теперь ничем не удержишь.

* * *

Приняв от Шуругина сберкассу, Вера уже на другой день вынуждена была отправиться, по поручению инструктора райкома партии Королькова, ответственного за финансы, для оказания агитационной помощи в один из отдалённых сельсоветов Новоузенского района – там из рук вон плохо проводилась первая военная лотерея. И так как сберкасса своим транспортом не обладала, ей пришлось идти пешком.

Более тридцати километров отмахала Вера в одиночестве по заснеженной и ухабистой степной дороге – под отдалённый заунывный вой волка, от которого всё тело то и дело покрывалось мурашками, прежде чем прибилась в колхоз на самой границе с Казахстаном. На рано темнеющем степном небосводе к тому времени уже появились в прогалинах свинцово-тёмных туч, стремительно рвущихся на восток, первые тускло-мерцающие светила – бесконечно далёкие и холодные для Земли.

Село казалось вымершим. Только в редких домах можно было увидеть в окошке красноватый отблеск от фитиля керосиновой лампы или свечи, а иногда даже от простой лучины*. Вера хотела зайти на ближайший огонёк и спросить, где находится сельсовет, но, сойдя с дороги, догадалась, что единственно расчищенная от снега улица обязательно приведёт её в нужное место, и вернулась обратно на дорогу.

В сельсовете и в правлении колхоза, находившихся под общей крышей, было темно. Но входная дверь почему-то была не на замке. Вера устало толкнула её ногой, и она, скрипнув, отворилась.

Вера решительно вошла в тёмный коридор и натолкнулась на что-то громоздкое. Она в испуге отпрыгнула назад, присмотрелась и увидела в тусклом лунном свете, падавшем из-за её спины через приоткрытую дверь, очертания продолговатого, как и сам коридор, стола. Стол торчал, неизвестно по какой причине, на самой середине. Вера пяткой захлопнула дверь и обессиленно легла на него грудью – она страшно устала и простыла на холодных степных ветрах.

В коридоре было тепло, чувствовалось, что днём здание отапливалось весьма прилично. Вера тотчас разомлела, и её стала одолевать дремота. «Никого не буду сегодня тревожить...» – решила она и взобралась, прямо с обутыми ногами, на крепкий деревянный стол. Стол не шелохнулся и даже не скрипнул. Он был соструган вручную и скреплён, как принято в народе, деревянными гвоздями. Вера подложила под голову подшивку старых газет и мгновенно заснула. Спала она тяжело. Её всю ночь мучил один и тот же кошмарный сон.

Немцы, в чёрных рогатых касках, с чёрными свастиками на груди, скалили огромные чёрные зубы и норовили поймать её. Но она каким-то непостижимым образом уклонялась от них и всё бежала и бежала куда-то вдаль на непослушных ватных ногах. С каждой минутой ноги становились всё рыхлее и рыхлее, и ей становилось всё труднее и труднее убежать. Один из немцев, здоровенный рогатый фашистище, догнал-таки её и впился в плечо острыми резцами...

Спас Веру председатель сельсовета.

– Вот это да, диверсант за ночь завёлся! А ну-ка, предъявить документы! – закричал он на заре и, сложив ладони в дудочку, стал шутливо трубить: – Ту-ту-ту!..

А ему вслед где-то рядом запоздало прокричал какой-то нерадивый хриловатый петух: – Ку-ка-ре-кху-у-у!..

Вера тотчас соскочила со стола, по-военному коротко представилась и показала своё удостоверение. И так же коротко изложила суть задания райкома партии, для выполнения которого она прибыла в этот богом забытый край.

– Да уж, круто они берутся за дело... – озабоченно почесал затылок председатель сельсовета, и охота шутить у него сразу пропала.

– Это решение партии и правительства! – отчеканила Вера, не желая больше допускать лишних реплик.

– Знаю. Только ничего хорошего из этого не выйдет.

– Почему?

– Да потому. Нет у народа больше денег. Летом ещё отдали государству.

– Неужели ничем не поможете фронту? – усилила Вера голос на последнем слове.

– Рады бы, да сами голы, как соколы.

– Как же так? На селе живёте и ничего не имеете.

– А ты думаешь, колхозники лопатами деньги гребут? Нет, товарищ дорогой, мы их совсем не видим!

– Даже эвакуированные находят средства для фронта! А вы тут!.. – не унималась Вера, сверля критическим взглядом пригорюнившегося собеседника. – Окопались, как кулачье!

– Ну, что же, раз беженцы такие богатые, – сказал председатель сельсовета после некоторого раздумья, – то мы наскребём по сусекам зерна, смелем и будем продавать им муку. А вырученные деньги...

– Замечательно придумано! – восхищённо воскликнула Вера, не дав ему договорить.

– Не знаю, насколько это замечательно, – засомневался председатель сельсовета. – Но, может, как-то поможет.

– Да вы не беспокойтесь, деньги не пропадут даром! Государство выдаст взамен выигранные лотерейные билеты! – радостной скороговоркой выпалила Вера, ещё минутой ранее уверенная, что провалит своё первое на новой службе задание.

– Выигрышные? – с ещё большим сомнением переспросил председатель сельсовета и опять стал озабоченно чесать затылок.

– Выигрышные! – подтвердила Вера.

– Это тоже замечательно придумано, – угрюмо хмыкнул председатель сельсовета и умоляюще посмотрел на Веру. – Только людям про них сами скажете. Ладно?

– Ладно, – с готовностью согласилась Вера.

– Вот и отлично! Я через часик соберу их на митинг.

На митинге выяснилось, что колхозники на самом деле не в состоянии помочь фронту деньгами, потому как давно уже не имели за душой никаких наличных средств и не надеялись получить их в обозримом будущем.

– Товарищи, тогда надо сдать зерно! – озвучила Вера идею председателя сельсовета. – Мы смелем его на муку и будем продавать офицерам Мелитопольского лётного училища и их семьям, эвакуированным к вам. А на вырученные деньги купим общий районный танк и назовём его Советский Новоузенец! И он будет так громить фашистов, что земля у них будет гореть под ногами!

Люди и без агитации понимали – победить сильного, хорошо подготовившегося к войне врага можно только сообща, сознательно идя на какие-то ранее непредвиденные жертвы. Но сдавать зерно всё равно боялись. Боялись не за себя – боялись за своих голодных детишек.

– Товарищи, как же так? Мы обязаны помочь фронту! Мы же советские люди! – стала напирать Вера на патриотизм – и народ заколебался. Но тут из толпы выскочил, весьма некстати, старичок Пантелеич. Он взобрался на ступеньки сельсовета, к стоящей там Вере, и с упрёком зачастил:

– Дочка, погоди давить на нас, мы и сами понимаем, что страшного врага можно победить только сообща. Как говорится, всем миром. А ты всё давишь на нас, давишь. За жабры, так сказать, хватаешь. Надо помягче, попонятливее.

– Пантелеич, ты-то как тут оказался? – в удивлении воскликнула Вера, ошарашенная бурной речью говорливого старичка.

– Да я это... из местных... – засмутился Пантелеич. – Бабку свою пришёл опровергать, а тут такое важное государственное дело. Вот я и решил немножко подмочь тебе словом.

– Давай, старина, выручай, – подмигнул Пантелеичу председатель сельсовета, стоявший рядом с Верой.

– Это мы моём, – снял шапку Пантелеич и торжественно обратился к народу. – Товарищи! Землячки! Нельзя нам иначе! Нельзя!.. Несите зерно. Несите кто сколько может. Только по совести несите. А то наши солдатики и правда оголодают на фронте, а эти откормленные фашисты погубят их. наших с вами сынов, братьев и отцов. А на вырученные деньги мы и правда купим свой танк. И воевать на него посадим не чьих-нибудь, а своих собственных танкистов. Новоузенских! Правильно я говорю?

– Правильно! – поддержал его председатель сельсовета.

– Правильно! – выкрикнул кто-то из толпы.

– Правильно! Правильно! – стали раздаваться из толпы и другие голоса.

– Товарищи, зерно приносите к сельсовету! Тут будем формировать обоз! – с радостью перенял инициативу у Пантелеича председатель сельсовета.

Мешки с зерном, которые колхозники вскорости стали сообщать сносить к порожкам сельсовета, тут же стали грузить на подводы, в которые запрягали любой свободный от работы в колхозе тягловый скот – лошадей, быков и даже пару диковинных для Веры верблюдов, привезённых из соседнего Казахстана.

* * *

Удачно проведённая Верой акция сразу подняла её авторитет в глазах инструктора райкома партии Королькова, ответственного за финансы. Он безоговорочно уверовал в её организаторские способности и стал часто давать ей дополнительные партийные задания – в основном это были мероприятия по сбору средств для фронта.

Вера с головой окунулась в работу, надеясь, что дополнительная нагрузка хоть как-то отвлечёт её от невесёлых мыслей. Но этого не случилось. Только в первые два дня ей удалось немного забыться за многочисленными организаторскими хлопотами, а потом опять всё стало обыденно и до невозможности тоскливо. Она опять стала непрестанно думать о детях и маме – их неясная судьба отвлекала от работы и отравляла каждую минуту её жизни. Единственным светлым пятном с самого начала войны было сообщение Совинформбюро о разгроме фашистских войск под Москвой, громоподобным голосом прозвучавшее из уст Левитана 6 декабря.

Глава 42

Штрафницы

Зима на Верхнем Дону в начале 1942 года была лютой. Трескучие морозы чуть ли не до дна сковали верховья Чира, Калитвы, Ольховой и других речушек, заставив сбиться несчастных обитателей водоёмов в глубинные ямы.

Непоседливые мальчишки первыми высыпали на голубоватый от солнечных лучей речной лёд, отдающий из глубины чернотой, и по совету стариков стали вырубать, сменяя друг друга, топорами, ломанами и другими подручными средствами проруби, не особо обращая вни-

мание на колючий хваткий холод, мгновенно пробиравший до озноба их худенькие, плохо защищённые старенькой, изношенной одежкой оголодавшие тельца.

Сонливые, потерявшие гибкость тела рыбёшки всех мастей, задыхающиеся от нехватки кислорода, тотчас потянулись вверх. Потянулись мирно, одной общей плотной массой, напрочь презрев бывшие межвидовые разногласия, но тут же стали попадать в самодельные тюлевые сачки проворных юных рыбаков.

Следом за мальчишками на лёд вышли бабы и стали заготавливать рыбу впрок, набивая вёдра и мешки шуками, головлями, чабаками *, ласкирями *, чекомасами * и всякой мелочью навроде бобырей *, сопляков * и серушек *.

Жизнь в верхних придонских хуторах, станицах и сёлах шла, несмотря на быстрое приближение фронта, своим чередом – тихо и незатейливо.

* * *

Немецкие и союзные им венгерские, итальянские и румынские армии группы «Юг» (Б), обеспеченные большим количеством артиллерии и бронетехники, а также мощной поддержкой с воздуха, стремились как можно скорее прорваться к ещё покрытому ледовым панцирем верхнему и среднему течению великой казачьей реки. Они надеялись сходу форсировать Дон и к лету перекрыть в районе Сталинграда главную воднотранспортную артерию Страны Советов – древнюю могучую Волгу. Выполнив эту задачу, вермахт надеялся на скорый общий успех при поддержке Японии и Турции, только и ждавших удобного момента для вооружённого вторжения на Дальнем Востоке и в Закавказье.

Советское командование, обеспокоенное весьма активными действиями объединённых фашистских войск на Сталинградском направлении, тоже торопилось – торопилось обеспечить свои тылы укреплёнными рубежами.

Один из таких рубежей проходил по крутым высотам вдоль течения реки Чир.

На строительстве оборонительных сооружений были задействованы в основном штрафники. Но их сил для успешного завершения этих невероятно тяжёлых работ до весенней слякоти было недостаточно. И тогда со всех сопредельных населённых пунктов на рытьё окопов были откомандированы тысячи молодых женщин.

* * *

Председатель сельского Совета колхоза «Красный Октябрь» Цыпкин собрал у себя молодых, ещё бездетных девушек и повёл перекличку:

– Надежда Барбашова, Варвара Коновалова, Зинаида Некрасова, Татьяна Фатеева, Клавдия Цыпкина, Ан... Ан... Ан-на... – запнулся он на имени шестой девушки. – Нюся, – поправила его последняя девушка.

– Что Нюся?..

– Зовут меня Нюся.

– Сидоровна, – снисходительно улыбнулся Цыпкин, – угомонись.

– Опять неправильно! Это бабка моя Сидоровна! Из-за неё меня так прозвали!

– Нюська! – повысил голос председатель сельсовета. – Не морочь мне голову!

– Правильно! – весело захохотала Нюся и заразила смехом других девушек. – А то затвердили одно и то же: ан-на, ан-на! А сами ничего не даёте!

– Хватит хохотать! Хватит! – рассердился председатель сельсовета. – Вы хоть знаете, зачем я вас позвал?

– Целовать, наверно, будете! – продолжала хохотать Нюся по кличке Сидоровна, а следом за ней и другие девушки.

– А ну-у!.. – погрозил им пальцем председатель колхоза Константин Некрасов, входя в помещение сельсовета. – Хватить бузить*, а то всех ремнём выпорю!

– Не будем больше, председатель. Не будем... – испуганно забормотали девушки и сразу притихли.

– Степаныч, ты присаживайся, – смущённо засуетился Цыпкин. – Я быстро с ними разберусь.

– Давай-давай, действуй как Чапаев! – буркнул Константин, присаживаясь на табурет. – А я погляжу, как партийцы умеют народ агитировать.

– Первым делом хочу поблагодарить Надежду Барбашову, – начал издали председатель сельсовета. – Молодец! Истинная комсомолка!

– Лукьян Алексеич, вы всегда одно и то же говорите, – обиженно пробубнила Надя.

– Ну так и что? Ты же и правда истинная комсомолка! И я истинный коммунист!

– Ага, истинный. А в коллективизацию в кутузке сидел за пропажу скота, – усмехнулся председатель колхоза.

– Так это же по навету, – смущённо кашлянул председатель сельсовета. – И ты, Степаныч, брось свои кулацкие присказки.

– Давай-давай, агитируй! – засмеялся Константин.

– Немцы и их союзники со страшным боем рвутся к Сталинграду и в нефтяные районы Кавказа. А японцы и турки только и ждут момента, чтобы присоединиться к ним. Надо срочно остановить фашистов! – зачастил председатель сельсовета, отчаянно потрясая кулаком.

– Нам шестерым, что ли? – опять оживилась Сидоровна.

– Тьфу ты! Вот же неугомонная! Гляди, выпорю я тебя когда-нибудь! – окончательно рассердился Цыпкин.

– Это смотря чем!.. – захохотала Сидоровна, а следом за ней опять залились смехом все девушки и позакрывали лица, в смущении, ладонями.

– Степаныч, ты послухай чё она мелет? – в растерянности развёл в стороны руки председатель сельсовета.

– Ну, Сидоровна, на этот раз ты точно напророчила на порку! – вскочил председатель колхоза и вытащил ремень из брюк.

– Всё, дядя Костя! Всё! Ни словечка больше не скажу! – спряталась за спины подруг Сидоровна и присела.

– А позвали мы вас вот зачем, – продолжил разговор председатель сельсовета. – Поедете на рытьё окопов. Военным срочно нужна помощь. Ясно?

– Ясно, – за всех ответила Надя.

– Раз ясно, тогда марш по домам за тёплой одеждой!

– Уж мы военным помогём! Ой, и помогём!.. – вынырнула из-за спин подруг Сидоровна. – Ноги еле волочить будут!

– Всё, доболталася! – взмахнул ремнём председатель колхоза и погнался за Сидоровной, но брюки его упали до колен и остановили погоню.

– Степаныч, ты-то по какому делу припёрся? – в неудовольствии посмотрел председатель сельсовета на голоштанного председателя колхоза. – Все карты мне спутал.

– Пришёл глянуть, отпустила ли мать нашу младшенькую.

– А может, Зину освободить от этого дела?.. Ей поменьше годков, чем другим?

– Поменьше. Но освобождать не надо. Как я потом людям в глаза буду глядеть? Ты же тоже не даёшь поблажки своей младшей сестре.

– Это верно. Да Клава и не согласилась бы. Она с подругами хоть на край света.

– И моя дочурка такая же. Нехай едет вместе со всеми на окопы.

* * *

Председатель сельского Совета колхоза «Красный Октябрь» действительно лично повёз девушек на двух санях, вместе со стариком Ерошкой, в станицу Чернышевскую* на рытьё окопов. В Чернышевской они расселили девушек с помощью тамошних властей в семьи станичников по принципу «в тесноте, да не в обиде», сдали списки работниц в особый отдел и в тот же день уехали обратно.

Аналогичным способом расселяли девушек из других сельсоветов, сплошным потоком прибывавших на берега Чира.

Вечером того холодного и выюжного январского дня в домах чернышевцев было как никогда шумно. Девчонки сильно промёрзли в долгой зимней дороге, но взбудораженные новым, небывалым в их жизни событием, без умолку щебетали и по любому поводу безудержно хохотали. Угомонились они только далеко за полночь. А вскорости их всех разбудили люди в штатском, но с оружием в руках, произвели перекличку и строем повели к Чиру, на высоченные крутые холмы.

– Тут немцы ни за что на свете не пройдут! – крикнула Клава Цыпкина, первой выбравшаяся по заснеженному обрывистому склону на верх высоты.

– Это точно! Тут им не пройти! – согласилась с ней Надя Барбашова, закрывая варежкой лицо от позёмки.

– Да кто его знает?.. – засомневалась Варя Коновалова. – Танков у них, люди говорят, тьма-тьмущая!

– Я хоть танков своими глазами и не видала, но точно знаю! Не проехать им по таким кручам! Тут сам чёрт ноги поломаёт! – с горячностью стала утверждать Клава.

– Так у них же не только танки. Они и с пушек стреляют, и с самолётов бомбы огромные кидают, – возразила Сидоровна.

– Девки, гляньте, в траншеях какие-то люди работают! – воскликнула Зина Некрасова, самая младшая и озорная из всех девушек – совсем ещё девчонка-подросток.

– Солдаты вроде, – сказала Таня Фатеева.

– Танёк, ты у нас самая глазастая. Получше взглядишь, – попросила Надя.

Таня на самом деле была дальнозоркой. Она выпрямилась в струнку, надвинула на лоб платок из овечьей шерсти, связанный собственными руками, прикрыла глаза ладошками и стала отрывисто говорить, задыхаясь от ветра:

– Точно. Солдаты. В шинелях. В руках кирки. Оружия не видно.

– Может, наши там есть? Давай узнаем! – бегом бросилась к окопам Зина и увлекла за собой подруг, а навстречу со свистом неслись завихрённые потоки снега вперемешку с землёй, сметённые рваными порывами ветра с брустверов только что выкопанных окопов, и чуть ли не валили их с ног.

Землекопы действительно были в солдатской, изрядно потрёпанной форме, но без погон и других каких бы то ни было знаков отличия. Рядом с каждым из них в снегу торчали деревянные таблички, на которых были записаны фамилии и норма выработки. Заледенелая земля болезненно стонала под ударами их кирок и ломов, но крошилась с трудом. По замедленной манере разговора и расчётливым, бережливым движениям было видно, что люди сильно истощены, а многие даже смертельно больны.

– Вы, девчонки, к нам близко не подходите. Беды себе наживёте, – сказал, по-волжски окая, бородатый землекоп. – А вот еды принесите, коли сможете. Нас тут совсем плохо кормят. По сто грамм чёрного хлеба на сутки выдают, да и те могут за невыполнение нормы наполовину урезать. Только несите что самим не годится. Подпорченное. Если конвоиры отберут, не так жалко. А пронесёте, мы всё съедим – нам не до жиру. Мы тут все еле живые.

На следующий день сердобольные девчонки собрали что могли – недоеденный чёрствый кусочек хлеба, подопревшую сваренную в мундирах картошину, подмерзшую лучину или подсохшую головку чеснока и, завязав всё это в носовые платочки, понесли штрафникам. На подступах к окопам их остановил офицер НКВД* и попытался вернуть назад. Но девушки, не понимая сложности ситуации, начали возмущаться.

– Вы что-о?.. Изменников Родины поддерживаете? Стервы! – зло прорычал решительно настроенный офицер и вырвал из кобуры пистолет. – А ну назад!

– Это ты на свою жену будешь так орать! А на меня только попробуй ещё раз, так двину, что искры из глаз посыпятся! – смело огрызнулась Сидоровна, достала из-за пазухи узелок с продуктами и бросила через голову офицера в окоп.

Остальные девушки тоже стали доставать узелки из-за пазухи и кидать через голову офицера. Штрафники тотчас кинулись к узелкам, стали разрывать их зубами и есть картошку в мундире и луковицы прямо с кожурой.

– Ах так, да я вам норму выработки вдвое завышу! – вскричал офицер и выстрелил из пистолета вверх.

– Товарищ офицер, погодите, мы же не знали, что нельзя, – примирительно сказала Надя.

– Не знали, что врагов трудового народа нельзя поддерживать?! – несказанно удивился офицер НКВД, но тем не менее убрал пистолет в кобуру и заворчал уже поспокойнее. – Не знали они!.. А ещё комсомолки!

– Не все, – смутилась Надя, – пока только я комсомолка.

– Гоните их на место! Гоните! И с работы снимите на два часа позже! – приказал офицер солдатам НКВД – сержанту и рядовому, подбежавшим к нему с винтовками в руках. – И это на первый раз! – припугнул он девушек.

– Ничего, девки. Ничего, – скороговоркой зашептала Клава. – Мы в другой раз хитрее будем. В снегу прихороним, а штрафники сами разыщут.

Энкаведисты сняли с плеч винтовки и стали толкать девушек прикладами в спины.

– Идите, идите скорее на рабочее место, – с чувством меры толкал рядовой. – А то расстреляют к чёртовой матери за саботаж. Тут ни с кем не церемонятся.

– Бегом, сучки! Бегом! – матерно ругался сержант.

– Идите. Идите скорее, – добродушно просил рядовой. – А то и правда расстреляют.

– Да что ты их уговариваешь, сучек белогвардейских! Не жалея их! Не жалея! – больно бил девушек прикладом в спину сержант.

– Будете агитировать девчонок, значительно увеличу норму! – угрожал штрафникам тем временем офицер НКВД.

– Да куда уж тут увеличивать, – невнятно сказал бородатый штрафник, дожёвывая подгнившую лучину прямо с шелухой. – Мы и такдохнем, как мухи. Каждый день по пять человек. Вон, с самого утра двое очоурились, – показал он рукой на край окопа, где лежали два заледеневших трупа. – Скажи своим, пусть заберут.

– Поговори ещё! Поговори! – погрозил офицер бородатому штрафнику кулаком. – И сразу узнаешь почём фунт лиха!

– Ты нас не пугай. Мы сами знаем, что сдохнем, – спокойно ответил бородатый. – Так что увеличь паёк, если хочешь выслужиться перед начальством.

– Ну а зачем тогда ерепенитесь, раз знаете?

– Так как, командир – увеличишь?

– Не замолчишь, точно увеличу. Да только норму, – незлобно буркнул офицер и окликнул солдат. – Хватит их толкать! Хватит! Дальше сами дойдут.

Солдаты тотчас оставили девушек и побежали к офицеру.

– Заберите этих жмуриков, – кивнул офицер на мёртвых штрафников.

Солдаты быстро забросили винтовки обратно за плечи, похватали умерших за ноги и поволокли за собой, оставляя их головами следы на снегу.

Изо дня в день, с раннего утра и до позднего вечера рыли девчонки окопы на ужасном холоде, в продуваемой всеми ветрами голой степи, и многие из них вскоре стали сопливать и кашлять, а некоторые даже слегли в постель.

В стане соседей дела обстояли и того хуже – ежедневно кто-то умирал. Иногда по несколько человек сразу. Обессиленные, заморённые голодом штрафники постепенно смирились с судьбой и перестали цепляться за жизнь. Они поняли – выжить в таких нечеловеческих условиях невозможно. Девчонки, видя плачевное состояние штрафников, любыми путями старались передать им сэкономленные на собственном желудке продукты. Они теперь отдавали всё самое лучшее: хлеб, картошку, кусочки сала – а больше у них ничего и не было, и с нетерпением ждали воскресенья.

По воскресеньям из сельсоветов, приславших своих колхозниц на рытьё окопов, приезжали фуражиры, привозившие девчонкам от родителей продукты питания. Иногда что-то выделяли и колхозы.

В первое воскресенье февраля сухонький старичок Ерошка, фуражир из колхоза «Красный Октябрь», изрядно подвыпил, спасаясь от холода, и спьяну разбазарил в дороге все продукты. А когда к понедельнику протрезвел, испугался, что будет хорошенько побит девчонками, и с полдороги повернул обратно.

Прибыв в свой колхоз, шкодливый Ерофей никому ничего не сказал – тут матери-казачки могли забить его вовсе насмерть.

Туго пришлось ольховским девушкам. Они одолжили у соседок – у вяжинских и сетраковских подружек – немного сала и муки и терпеливо ждали Ерошку четыре дня. Но когда и эти продукты, расходуемые со строжайшей экономией, закончились, оголодавшие девушки не вытерпели. Да и хозяйка квартиры внесла свою лепту.

– Чтой-то ваш Ерошка запропастился? Давно уже должен был продуктишки подвезти. А его всё нету и нету. Можить, колхоз отказался от вас? – каждый вечер говорила она девушкам одно и то же.

– А нас не колхоз обеспечивает, – возразила Клава. – Нам родители передают.

– Клава, ну что ты говоришь?! – обиженно посмотрела на подругу Надя. – И колхоз помогает чем может. Масла подсолнечного выделил, муки немножко.

– Не знаю, девки, кто и что вам выделяет, да только кормить вас больше нечем, – продолжала нагнетать обстановку хозяйка квартиры.

– А мы и не просим! – возмутилась Надя. – Перетерпим как-нибудь.

– Да как же вы перетерпите?.. Уже четыре дня впроголодь, да ещё при такой работе! А нынче совсем без крошки хлеба остались!

– Вы, девки, как хотите, а я завтра пойду домой, – спокойно сказала Сидоровна. – Узнаю, что там стряслось.

– Одной никак нельзя! – строго возразила хозяйка квартиры. – Голодно нынче в степи. Волки кругом так и рыщут. Да и в тюрьму одна быстрее угодишь. А вот если все вместе пойдёте... – обвела она девушек испытующим взглядом. – Глядишь, обойдётся.

– И пойдём! Не помирать же с голода! – за всех ответила Сидоровна и вопросительно посмотрела на Надю.

Другие девушки тоже вопросительно уставились на Надю.

– Что вы на меня так глядите?.. – заволновалась Надя. – Я что, крайняя?

– Так ты же у нас комсомолка, – опять за всех ответила Сидоровна. – Лучше небось знаешь, как надо.

– Наденька, подруженька моя дорогая, надо идти, – добродушно вмешалась в спор подруг Таня. – А то правда помрём без еды на таком жутком холоде.

– Прямо-таки помрём! – рассердилась Надя.
– Помрём! Ещё как помрём! – поддержала Таню Варя.
– Ладно, собирайтесь, – сдалась Надя.
– Прямо теперь?! – удивилась Зина. – Ночью?
– А когда же? Утром будет уже поздно.
– Это точно, – согласилась хозяйка квартиры. – И прогуляете так меньше. Всего-то один денёк.

– Ура! Ура! – пустилась в пляс Зина. – Мамку скоро увижу!

Вслед за Зиной пустились в пляс и остальные девушки.

– Что значит молодость! Никакая беда не прилипает! – воскликнула хозяйка квартиры и, глядя на девушек, запела, прихлопывая в ладоши: – Ба-арыня, барыня!.. Сударыня-барыня!..

Добраться до родных мест девушкам в этот раз было не суждено. Под хутором Кутейниковым их догнали верхом на лошадях двое вооружённых солдат НКВД, те же, что грубо отгоняли их прикладами винтовок от штрафников.

– Стой! Поворачивай обратно! – потребовал рядовой, захав наперёд.

– Так мы же почти пришли! – возразила Надя. – Продукты возьмём и сразу назад.

– Прекратить разговоры! – закричал сержант. – Поворачивай обратно!

– Ишь ты какой! – рассердилась Сидоровна. – А кормить нас кто будет? Может, ты, раз такой умный?

– Я сказал, поворачивай! – снял с плеча винтовку сержант.

– Ладно, мы пойдём назад, – примирительно сказала Надя. – Но кто-нибудь из вас пусть наведается в наш колхоз и доложит председателю, что мы остались без продуктов.

– Я сказал, поворачивай! – зло повторил сержант. – Прямо сейчас, без всяких условий!

– Надя, да не слухай ты его, до дома-то правда совсем мало осталось! Рукой подать! – смело обошла всадников стороной Клава и бегом пустилась по заснеженной степи.

Следом за ней тут же побежали другие девушки.

– Стой! Стой, кому говорят! – выстрелил вверх рядовой.

– Да не так надо! Не так! – щёлкнул затвором сержант и выстрелил остановившимся девушкам под ноги. – Что, сучки, страшно? Сейчас всех перестреляю волкам на радость! К весне ни одной косточки от вас не останется! – стал он стрелять всё ближе и ближе к ногам, пока девушки по-настоящему не испугались и не побежали обратно в Чернышевскую.

В станице проштрафившихся девчонок посадили в холодный амбар и продержали до позднего вечера. Только на ночь часовой отвёл их на квартиру, в которой они жили.

– Неужели отпустили? – обрадовалась хозяйка квартиры.

– Нет! – строго возразил часовой. – Только на ночлег. И сидеть тут тихо! – погрозил он девушкам пальцем и взял с лавки замок от хаты.

– Зачем взял? – насторожилась хозяйка. – Разве он твой?

– Примкну, чтобы не разбежались за ночь.

– А по нужде как?

– Вот для нужды, – толкнул часовой оцинкованное ведро, стоявшее у двери.

– Всё, девоньки, пропали мы, – всхлипнула Клава, когда часовой вышел на улицу. – В Сибирь увезут.

Следом за Клавой стали плакать другие девушки.

– А ну замолчь! Нечего выть раньше времени! – прикрикнула на них хозяйка. – Возьмите лучше из чугунка по одной картошине.

До крайности проголодавшиеся девушки с радостным гомоном кинулись к русской печи и впопыхах стали выхватывать из чугунка обжигающую ладони картошку в мундирах.

– Так бы и давно. А то разнюнились тут, – удовлетворённо хмыкнула хозяйка и достала с печки матерчатую сумку с фасолью.

– Это ещё зачем? – заглянула в сумку Сидоровна, уже проглотившая свою картофелину.
– Погадаю на бобах. Как они покажут, так и будет. Уж они-то меня сроду не обманывали.
– Да, брехня это небось, – засомневалась Сидоровна.
– Конечно, враньё, – поддержала подругу Надя, искоса следившая за хозяйкой квартиры, колдовавшей в углу комнаты над горстью фасоли.

– Нет. Не враньё, – встала на защиту хозяйки Таня. – Она лучшая во всей станице гадалка. Я точно знаю. Мы с мамой раньше ездили к ней.

– А я всё равно не верю, – продолжала сомневаться Надя.

– Ещё бы! Ты же комсомолка!

– Вот именно! Комсомолка! И горжусь этим!

– Надя, зря ты не веришь Тане, – вмешалась в спор подруг Варя. – У неё в роду все женщины лечили людей.

– Выходит, она тоже знахарка?..

– Выходит, знахарка.

– Ну вот!.. – расстроилась Надя. – А я хотела в комсомол рекомендовать её.

– Хватит свиристеть! – остановила спор девушек хозяйка. – Лучше послушайте, что вам квасоль посулила.

– Сибирь, что ли?.. – в испуге посмотрела на хозяйку Сидоровна.

– В Сибирь слава Богу, – перекрестилась хозяйка, – не сошлют. А вот накажут добре.

Все жилы повытянут.

Предсказание хозяйки, слывшей в станице верной гадалкой, сбылось в точности.

Утром беглянок вызвал на беседу в местный сельсовет офицер с синими погонами, ни разу до этого никем из девушек не виданный.

– Я сопоставил все факты и пришёл к выводу, что умышленного саботажа не было, – объявил он без всяких предисловий – никого ни о чём не спрашивая и никому ничего не объясняя. – Тем не менее вы будете наказаны.

– И дюже? – первой решилась на вопрос, несмотря на дрожь в коленях, Клава Цыпкина.

– Дю-у-у-же!.. – передразнил Клаву офицер. – В штрафники зачислю.

– В штрафники? За что?! – возмутилась Надя.

– Чтобы другим неповадно было. Две недели будете вкалывать по завышенной норме.

– Целых две недели?

– Без еды?

– Да вы что?!

– Сами работайте! – наперебой загалдели девушки, забыв про всякую осторожность.

– Погодите, не кричите так! Не кричите! – стал морщиться офицер. – Еду вам сегодня доставят.

– Кто? Ерошка? – обрадовалась Сидоровна.

– Нет. Председатель сельсовета.

– Зря, – расстроилась Сидоровна, – а то бы я его лично убила.

– Это и без тебя есть кому сделать, – сдержанно улыбнулся офицер и тотчас отпустил беглянок.

Тем не менее утром их всех подняли раньше обычного и повели на работу под конвоем, а не умевшего пить Ерофея сослали в Сибирь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.